

28. Участие анархистов в других региональных и местных органах власти

Во время Гражданской войны анархисты участвовали в работе местных органов власти в различных частях республиканской Испании, помимо Каталонии и Арагона. Во многих случаях они продолжали играть важную роль в местных администрациях до самого поражения сил Республики.

НКТ-ФАИ в Астурийском регионе

До Гражданской войны социалисты были крупнейшей левой группировкой в Астурийском регионе, располагавшемся на побережье Бискайского залива, и их главная сила была сосредоточена среди горняков и рабочих столицы региона, Овьедо. После установления Республики НКТ смогла создать свой профсоюз горнорабочих, конкурировавший с большинством Всеобщего союза трудящихся, но коммунистам удалось вырвать его из-под контроля анархистов и вывести из состава НКТ. После этого местные рабочие, оставшиеся под влиянием анархо-синдикалистов, вышли из регионального профсоюза угольной промышленности и вступили непосредственно в астурийскую организацию Национальной конфедерации труда¹.

Однако главными центрами силы НКТ были большой портовый город Хихон и город Ла-Фельгера, где находились основные сталелитейные заводы региона. В этих двух центрах превосходство НКТ было очевидным.

Хотя в целом число сторонников ВСТ и Социалистической партии в Астурийском регионе было значительно выше, чем у НКТ-ФАИ, значение этого факта существенно снижалось тем, что в первую неделю войны Овьедо оказался в руках мятежников. Многократные попытки вернуть город Республике оказались безуспешными. Таким образом, на большей части Астурии, которая в течение 15 месяцев оставалась за Республикой, силы социалистов и анархистов были примерно равными, даже если последние и не были более многочисленными. Согласно Рамону Альваресу, количество членов НКТ в регионе выросло с 30 тысяч перед самой войной до 90 тысяч в момент наивысшего подъёма. (Он отмечает, что эти цифры не являются «точными и абсолютно надёжными»².)

Отношения НКТ и ВСТ в Астурии во время войны

К началу Гражданской войны отношения между НКТ с одной стороны и ВСТ и Социалистической партией (ИСРП) с другой в Астурии были намного более дружественными, чем на большей части остальной Испании. В марте 1934 г. НКТ и ВСТ в этом регионе подписали соглашение о создании Революционного рабочего альянса (Alianza Obrera Revolucionaria); это был единственный пример в Испании, когда анархисты принимали участие в рабочих альянсах, сформированных ВСТ, социалистами и различными левыми меньшинствами. Шесть месяцев спустя этот альянс в Астурии возглавил единственное массовое восстание октября 1934 г., продолжавшееся две недели. Связь между двумя профсоюзными организациями сохранялась и впоследствии.

Рамон Альварес подчеркнул важность сотрудничества между анархистами и ВСТ во время Гражданской войны:

“ «Мы подтверждаем самым решительным образом, что в течение всей гражданской войны в Астурии и Леоне наблюдалось полное согласие, если не абсолютное единство, социалистов и либертариюв в политических и военных вопросах, которые имели основное значение в борьбе, что не означало отсутствия разногласий в вопросах, которые, представляя определённый интерес, могли расцениваться как вторичные...

Во всех органах, созданных с начала вооружённой борьбы, Национальная конфедерация труда получила равное представительство с ВСТ – факт, бесспорно доказывающий сознательность и чувство солидарности сэнэтизма, если принять во внимание, что после падения Овьедо... Хихон, город с абсолютным превосходством либертариюв, превратился в административный, политический и военный центр Астурии и Леона».

Альварес цитирует речь лидера ВСТ Иносенсио Бургоса на совместном митинге НКТ и ВСТ 1 мая 1937 г., которая указывает на совпадение взглядов двух организаций в Астурии. Бургос говорил: «Мы будем с уважением относиться ко всем, мы признаем за всеми права, которые принадлежат им; но никто не может пытаться отобрать у народа то, что он завоёвывает своей кровью. Рабочий класс был уверен в том, что революция, начатая в октябре [1934 г.], должна победить. Теперь, когда нам представилась эта возможность, мы не упустим её»³.

Революционный режим в Астурии

С началом Гражданской войны, после подавления мятежа на большей части Астурии, по всему региону были созданы местные революционные комитеты из представителей всех групп, лояльных Республике. Большинство из этих органов, де-факто осуществлявших власть на местах, заявили о своём подчинении Провинциальному комитету Астурии⁴.

Хотя Сесар Лоренсо пишет, что этот Провинциальный комитет Народного фронта (Comité Provincial del Frente Popular), если использовать его точное название, был создан «в конце июля или начале августа 1936 г.»⁵, Антонио Масип указывает, что «по всей очевидности, Провинциальный комитет полностью совпадает с органом, который был создан при гражданской администрации в начале мятежа Франко в Африке, чтобы консультировать нового губернатора. Из совещательного органа он, после объявления войны Арандой и ареста Лиарте Лаусина, стал представителем правительства Республики в Астурии»⁶. (Лиарте Лаусин был гражданским губернатором Астурии, арестованным мятежным полковником Арандой.)

Первоначально, согласно Масипу, Провинциальный комитет состоял из членов Социалистической партии, ВСТ и «Левых республиканцев». Однако 22 июля в него вошёл лидер коммунистов Хуан Амбоу, а к 24 июля два лидера НКТ со сталелитейного завода «Дуро» в Ла-Фельгере, Руфино Куарте и Эладио Фанхуль, также были включены в состав комитета.

Согласно Антонио Масипу:

“ «Заседания комитета вначале были непрерывными и неформальными. Присутствовали представители организаций, но их функции менялись по мере развития событий. Руководство фронтом войны, здравоохранением, снабжением, земледелием, общественным порядком было импровизированное...» Никаких протоколов его заседаний не сохранилось. Белармино Томас из ВСТ и Социалистической партии вскоре стал председателем комитета⁷.

В Хихоне, с другой стороны, был создан Военный комитет (Comité de Guerra) под председательством лидера НКТ Сегундо Бланко. Его юрисдикция простиралась от Авилёса на западе до Вильявисьосы на востоке⁸. Первоначально он состоял из Авелино Г. Энтриальго от ФАИ и Орасио Аргельеса от Компартии, отвечавших за военную мобилизацию; Рамона Альвареса Паломо от НКТ, заведовавшего средствами сообщения; Эухенио Алонсо де ла Ривы от ВСТ в качестве казначея; Марселино Корбата от Социалистической партии, отвечавшего за здравоохранение; Рафаэля Эрнандеса от ВСТ, отвечавшего за труд; Хосе Гальярдо от Компартии, отвечавшего за безопасность; Эмилио Фернандеса от Компартии, заведовавшего распределением; Альберто Лары от «Левых республиканцев», заведовавшего жильём. Должность секретаря комитета делили Карлос Диас от НКТ и Рафаэль Эрнандес от ВСТ. Согласно Антонио Масипу, Мануэль Менендес из Социалистической партии, Эдуардо Васкес из ФАИ, Мануэль Иглесиас-и-Санхинес из «Левых республиканцев» или Федеральной партии также «относились к комитету», а мэр Хихона,

Хайме Вальдес из «Левых республиканцев», «сотрудничал с новым органом».

Антонио Масип отмечает:

“Как в Саме, так и в Хихоне вся инициатива исходила от рабочих организаций, за исключением военных вопросов, которые решались совместно со специалистами – республиканцами и просто верными законному правительству»⁹.

Одной из самых неотложных задач Военного комитета в Хихоне было организовать систему снабжения, чтобы накормить гражданское население и милиционеров, больше месяца осаждавших казармы Симанкас. Согласно Рамону Альваресу, «одной из служб, которая с первого дня превосходно функционировала в Хихоне, благодаря компетентности Единого синдиката продовольственной отрасли, была служба снабжения; были созданы местные комитеты, которые должны были позаботиться об основной массе гражданского населения, накормить милицию в импровизированных казармах и обеспечить общественные столовые, открытые при “Экономичной кухне”, отеле “Комерсио”, ресторане “Мерседес”, заводе “Оруэта” и др.»¹⁰.

Другой главной задачей Военного комитета было поддержание общественного порядка и, насколько это было возможно, ограничение терроризма и личной мести против сторонников мятежа и прочих лиц. Преследуя эту цель, Рамон Альварес 25 сентября 1936 г. выступил от имени местной федерации НКТ на радио с речью, в которой «он осудил преступления, совершённые за пределами городских центров людьми, которые пытаются опозорить наше дело». Проблема особенно обострилась после того, как мятежные силы подвергли Хихон бомбардировке с воздуха в августе: собралась толпа, требовавшая расправы над людьми, которые содержались под стражей Военным комитетом. Члены комитета успешно противостояли этим требованиям¹¹.

С 5 сентября, после переезда Провинциального комитета из Сама-де-Лангрео в Хихон, оба региональных органа власти работали в одном и том же городе, и это положение закончилось только после вхождения НКТ в республиканское правительство Ларго Кабальеро в начале ноября. Однако Сесар Лоренсо пишет: «Это двоевластие не порождало никаких конфликтов; отношения между этими двумя органами были превосходными». Он также отмечает, что с переездом Провинциального комитета в Хихон количество анархистов в его составе увеличилось с двух до четырёх. Это были Эдуардо Васкес, Эладио Фанхуль, Хосе Тоурман и Франсиско Гонсалес Беринансе, отвечавшие за рыболовство, социальное обеспечение, промышленность и связь соответственно¹².

В Хихоне также был создан Народный суд Астурии, включавший представителей политических партий, ВСТ, ОСМ, НКТ, ФАИ и «Либертарной молодёжи». Сесар Лоренсо отмечает: «Он приговаривал мятежных военных, фалангистов и реакционные элементы к тюремному заключению, а многих из них – к смертной казни... В любом случае, революционная власть стремилась ограничить насилие и сдержать разгул страстей среди

населения»¹³.

Примерно в первой половине ноября 1936 г. Военный комитет Хихона принял решение о самороспуске. Одновременно были созданы новые муниципальные советы в тех муниципалитетах, которые ранее находились под его властью, и некоторые полномочия упразднённого комитета перешли к этим советам¹⁴.

В самом Хихоне ближайшими союзниками анархистов в муниципальной политике, по-видимому, были две небольших республиканских партии: Партия федеральных левых и Федеральная демократическая республиканская партия. Согласно Хуану Карлосу Гарсии Миранде:

“Обе они отстаивали федеративную структуру государства... как союза “муниципальных республик”, и они видели в НКТ и ФАИ силы, способные создать подобную федерацию на основе рабочих республик, в которых синдикаты являются базовыми и преобразующими элементами...”¹⁵

В Сан-Мартин-дель-Рей-Аурелио мэром также был анархист, Хосе Варела из ФАИ¹⁶. Хотя данные по этому вопросу неполные, вероятно, было много других муниципалитетов, которые возглавлялись сэнэтистами или фаистами. Хуан Карлос Гарсия Миранда отмечает, что, по первоначальным инструкциям Провинциального комитета об организации новых муниципальных администраций в регионе, предполагалось включить в эти местные органы представителей НКТ, ФАИ и «Либертарной молодёжи», наряду с различными политическими партиями¹⁷.

Первый политический кризис астурийского режима

В середине декабря 1936 г. астурийский Провинциальный комитет пережил первый политический кризис, вызванный ФАИ и НКТ. Хавьер Р. Муньос отмечает, что этот кризис «начался в традиционной манере демократических правительств. С 19-го по 23-е число партии публиковали в прессе свои программы, и председатель Белармино Томас проводил консультации с их представителями»¹⁸.

Основным предметом споров был контроль Коммунистической партии, в лице Хуана Амбоу, над военным ведомством. Анархисты утверждали, что коммунисты используют этот пост для того, чтобы утвердить власть своей партии в вооружённых силах.

В официальном протесте НКТ и ФАИ говорилось:

■

«Мы не хотим допускать, и для этого мы сделаем всё возможное, чтобы тот, кто отправляется на войну, использовал свои командные полномочия для ведения политической кампании; нас не устраивают военачальники, посвящающие себя политической деятельности, поскольку мы считаем, что военные не должны иметь никаких политических пристрастий».

Как пишет Хуан Карлос Гарсия Миранда: «Решением, следовательно, должен был стать выход коммунистов из Военного департамента и их замена “действительно беспартийными лицами, которые будут относиться ко всем одинаково”. Они также потребовали, чтобы военным снабжением управляли гражданские...» Гарсия Миранда отмечает, что «в обвинениях анархистов было много правды (вербовка, партийные интересы и прочее)», но добавляет, что «это был не слишком подходящий момент, чтобы провоцировать кризис, и кроме того, работа Военного департамента выглядела далеко не самой предосудительной в контексте республиканской Астурии...»¹⁹

В конце концов, говорит Гарсия Миранда, «несмотря на несогласие коммунистов, кризис был разрешён 23 декабря, когда губернатор и председатель совета Белармино Томас возглавил Военный департамент, из которого ушёл Хуан Амбоу, ставший ответственным за народное образование».

Декабрьский кризис 1936 г. вызвал и другие изменения в астурийском режиме. В ходе реорганизации регионального правительства места в нём впервые получили ВСТ и «Либертарная молодёжь» – последняя, как сообщали, в качестве частичной замены двух представителей «Объединённой социалистической молодёжи», которые были выведены из правительства²⁰. Кроме того, режим принял новое название – Межпровинциальный совет Астурии и Леона (Consejo Interprovincial de Asturias y León). Республиканское правительство скоро признало его законной властью в Астурии, а его глава Белармино Томас был назначен генерал-губернатором Астурии и Леона.

До сих пор не совсем ясно, как кризис декабря 1936 г. повлиял на общую расстановку политических сил в Астурийском регионе, в особенности анархистов и коммунистов. Тот факт, что коммунисты были единственными голосовавшими против реорганизации режима, по-видимому, говорит о том, что они предвидели ослабление своих позиций в результате неё.

Очевидно, что коммунисты потеряли ключевой пост в военном ведомстве, который перешёл в руки социалистов. Также ясно, что анархисты добились определённых преимуществ в результате кризиса. Сегундо Бланко стал первым заместителем председателя нового Совета, а коммунист Гонсало Лопес – вторым. Кроме того, представитель «Либертарной молодёжи» расширял представительство анархистов в правительстве; это в какой-то степени уравновешивалось тем, что новый представитель ВСТ, Акилино Фернандес Росес, являлся членом Коммунистической партии²¹.

Особенно интересной в этом кризисе и последующих событиях была роль «Объединённой социалистической молодёжи», которая в других частях республиканской Испании быстро

подпала под контроль Компартии. По словам Хавьера Р. Муньоса, «ОСМ, несмотря на согласие с КПИ по многим вопросам, в этот раз не поддержала её»²².

Более того, генеральный секретарь астурийской ОСМ, входивший в региональное правительство до и после декабрьской реорганизации, был первым, кто осудил сотрудничество национального руководства ОСМ с Коммунистической партией²³.

Согласно Гарсии Миранде: «В Астурии... явление поглощения или медленной интеграции “Объединённой социалистической молодёжи” в Коммунистическую партию, получившее широкое распространение в других частях страны, было не столь заметным и, по крайней мере на уровне руководства, весьма ограниченным. Из членов её провинциального исполкома только Эмилио Байон и Лусио Лоса перешли в Коммунистическую партию после окончания войны... Рафаэль Фернандес в течение всей войны был провинциальным секретарём ИСРП»²⁴. Фернандес также отказался от места в Национальном комитете ОСМ, куда он был назначен Сантьяго Каррильо и другими коммунистическими или прокоммунистическими лидерами организации, – на том основании, что это назначение не было согласовано с астурийским отделением ОСМ²⁵.

Хосе Баррейро, другой лидер ОСМ в Астурии времён войны, утверждал, что ещё до окончания боевых действий в регионе социалистическая и коммунистическая молодёжь фактически выделились в две самостоятельных организации²⁶. Стэнли Пейн пишет, что в марте 1937 г. Рафаэль Фернандес «вышел из Национального комитета ОСМ в знак протеста против политики Народного фронта и вскоре после этого подписал соглашение с астурийской анархистской молодёжью о создании объединённого социалистическо-анархистского Революционного молодёжного фронта в Астурии»²⁷.

Так или иначе, влияние коммунистов в Астурии во время Гражданской войны было минимальным по сравнению с другими частями республиканской Испании. Энрике Кастро Дельгадо вспоминал инцидент, произошедший, по-видимому, в мае 1937 г., когда он посетил Хихон по настоятельной просьбе местных коммунистов. Социалистическая и анархическая милиция в этот момент окружила штаб-квартиры Коммунистической партии по всему Астурийскому региону и угрожала взять их штурмом. По словам Кастро Дельгадо, ему удалось нормализовать ситуацию и предотвратить полное уничтожение партии в регионе²⁸.

В период Межпровинциального совета НКТ могла более или менее регулярно продолжать свою организационную работу. Так, Региональная конфедерация Астурии, Леона и Паленсии НКТ провела свой конгресс, открывшийся 31 мая 1937 г. По сообщениям источников, делегаты конгресса представляли 234 синдиката, объединённых в 31 сектор и насчитывавших 74 326 членов. Наибольшую численность имели организации крестьян, «разнорабочих», шахтёров, металлистов, рыболовов, строителей и работников пищевой отрасли. Заслушав длинный отчёт секретаря Сильверии Тунона о деятельности НКТ со времени последнего регионального конгресса 1932 г., собравшиеся приняли ряд резолюций об экономическом планировании, образовании, здравоохранении, коллективизации и социализации экономики²⁹.

Совет делегатов Севера

После захвата силами Франко большей части баскской территории, 6 августа 1937 г., президент Республики провозгласил создание Совета делегатов Севера (Junta Delegada del Norte). Возглавил его генерал Гамир Улибарри, командующий республиканскими силами в Сантандере и Астурии, а членами стали Гильермо Торрихос от баскского режима, депутат-социалист Рамон Руис Ребольо от Сантандера и депутат-коммунист Хуан Хосе Мансо от Астурии. Несколько расплывчато определив полномочия этой хунты, декрет призвал правительства Астурии и Сантандера выполнять её решения. Согласно Хуану Карлосу Гарсии Миранде, это, «казалось бы, ставило её выше этих правительств».

НКТ не была представлена в Совете делегатов и решительно выступала против нового органа. Она заявила:

“ «Это не то учреждение, которое нужно Северу, во-первых, потому что председательство в нём отдано военному и, во-вторых, потому что в него не включены самые важные силы Севера – НКТ и ВСТ».

Астурийские социалисты также выступили против Совета делегатов. Их хихонская газета «Продвижение» (Avance) объявила о «согласии с нашим братским органом “НКТ” в том, что следует считать ошибкой, серьёзной ошибкой, невключение Национальной конфедерации труда в Совет делегатов Правительства... Этот Совет представляется нам ущербным».

Однако, как можно было ожидать, коммунисты горячо поддерживали создание Совета делегатов. По их мнению, исключение НКТ из данного органа было логичным ввиду того, что анархисты недавно покинули республиканское правительство, а Совет делегатов, по сути, являлся представителем валенсийского режима³⁰.

Анархисты и Верховный совет Астурии и Леона

В любом случае, существование Совета делегатов оказалось недолгим. После скоротечного разгрома республиканских сил в Сантандере Астурия осталась в одиночестве на Северном фронте. Хавьер Родригес Муньос отмечает: «Приказ по войскам о занятии провинции Сантандер был издан 8 августа; националисты выполнили его меньше чем за две недели... “Даже на манёврах невозможно было бы идти быстрее”, – комментировал Асанье полковник Прада после потери Севера»³¹.

Город Сантандер пал 24 августа. В тот же день, в полночь, Межпровинциальный совет Астурии и Леона провозгласил себя «суверенным». Принятый им декрет, если опустить

довольно длинную преамбулу, гласил:

“ «Статья 1. Межпровинциальный совет Астурии и Леона, по состоянию на дату и час принятия настоящего декрета, составляет собою Верховный совет Правительства на всей территории, входящей в его юрисдикцию, и в его подчинение переходят все гражданские и военные юрисдикции и органы, которые отныне и впредь функционируют на этой территории.

Статья 2. Верховный совет, в случае благоприятного развития войны, определит время, когда ему следует сложить суверенные полномочия, которые он сегодня принимает.

Статья 3. Правительство Республики будет проинформировано о настоящем декрете с целью его ратификации; но без предубеждения к его безоговорочному применению, вызванному обстоятельствами, с момента его опубликования»³².

Согласно источникам, идея декрета о суверенитете исходила от Амадора Фернандеса, социалистического лидера и близкого друга Индалесио Прието. В пределах Межпровинциального совета и в Астурийском регионе вообще он получил мощную поддержку со стороны социалистов и анархистов и несколько более сдержанную – со стороны «Левых республиканцев».

Хотя в Астурии декларация о «суверенитете» рассматривалась не как вызов Республике, а скорее как средство укрепления обороны того, что осталось от северного сегмента Республики, политические лидеры остальной части Испании смотрели на это иначе. Президент Мануэль Асанья в своих мемуарах назвал это «мятежом против правительства»³³.

Декларация о суверенитете встретила в Астурии сильное противодействие со стороны Коммунистической партии и «Объединённой социалистической молодёжи». Во время принятия этого декрета только советники-коммунисты Хуан Амбоу и Гонсало Лопес, члены ОСМ Рафаэль Фернандес и Луис Рока де Альборнос и представитель ВСТ Акилино Фернандес Рокас (член Коммунистической партии) голосовали против.

Обсуждение декрета было «напряжённым и полным конфликтов»³⁴. Один социалистический источник утверждает, что коммунисты угрожали восстанием против нового «суверенного» совета, но когда анархисты, социалисты и республиканцы дали понять, что подобное выступление будет немедленно подавлено, коммунисты отступили³⁵. В дальнейшем представители КПИ и ОСМ продолжали участвовать в работе Верховного совета.

Провозглашение суверенитета имело несколько причин. Две из них были названы в самом декрете: «сложность, если не полная невозможность консультаций с высшей политической

властью страны» и «безотлагательная необходимость поминутного решения вопросов»³⁶. Среди других причин указывался тот факт, что многие офицеры регулярной армии, отступившие в Астурию из Страны Басков и Сантандера, отказывались подчиняться приказам Совета Астурии и Леона «до получения инструкций из Валенсии». Если бы астурийцы стали «суверенными» без возражений со стороны республиканского правительства, доказывали некоторые, эти офицеры автоматически перешли бы под командование Верховного совета Астурии и Леона³⁷.

Белармино Томас в своих телеграммах валенсийскому правительству пояснял, что декларация о суверенитете не означает отделения от Республики:

“ «Правительство может быть уверено в том, что мы будем самым добросовестным образом исполнять любые его распоряжения. Я являюсь вашим представителем, и если мы предпринимаем какой-либо шаг прежде, чем уведомить вас, то вы можете быть уверены, что это делается для пользы войны и по причине большого расстояния, отделяющего нас от Правительства, но вы всегда свяжетесь с нами для окончательного решения»³⁸.

Анархисты решительно поддержали «суверенное» начинание. Их хихонский ежедневник «НКТ» объявил:

“ «Мы заодно с Советом Астурии и Леона. Его решение – единственное, которое могло быть принято в ответ на чрезвычайные обстоятельства... Военная ситуация и события тяжелой битвы, которую переживает Север, требуют таких мер. Нам нужна сильная власть. Сильная в действии, в руководстве. Сильная, прежде всего, в своей гражданской, общественной и военной юрисдикции. Это не может быть никакая иная власть кроме той, что теперь приняла на себя всю ответственность за войну и политико-экономическую организацию провинции»³⁹.

Состав Совета остался тем же, что и до провозглашения суверенитета, хотя некоторые портфели были перераспределены. Кроме того, различные «министерства» были сгруппированы в пять комиссий. По словам Гарсии Миранды: «Особо стоит упомянуть о Военной комиссии, возможно единственной, которая функционировала в соответствии с принципами административной реорганизации, последовавшей за декларацией о суверенитете. Состоявшая из Хуана Амбоу, Онофре Гарсии, Сегундо Бланко, Белармино Томаса и Адольфо Прады, она в дальнейшем оказала большую помощь военному командованию, которое она поддерживала во всех выдвигаемых им инициативах»⁴⁰. Двое из пяти членов этой комиссии, Онофре Гарсия и Сегундо Бланко, были сэнэтистами, Амбоу был главным лидером коммунистов, Белармино Томас являлся социалистом и председателем Совета, а Адольфо Прада, полковник старой армии, был назначен Советом

на должность командующего астурийскими вооружёнными силами.

Под началом Верховного совета был создан Совет промышленности Астурии. Его основной задачей было попытаться рационально организовать заводы и другие предприятия, конфискованные профсоюзами, и до некоторой степени спланировать экономическую деятельность региона. Он возглавлялся Сегундо Бланко, и преобладали в нём по большей части анархисты⁴¹.

При Верховном совете были реорганизованы муниципальные администрации во всех городах Астурии, хотя значительных изменений в их характере, сохранявшемся с конца 1936 г., не произошло. Во многих из них анархисты продолжали играть важную, если не ведущую роль. В Хихоне городская администрация по-прежнему возглавлялась Авелино Г. Мальядой, одним из основных лидеров НКТ в регионе, который ранее был издателем ежедневной газеты «НКТ», основанной мадридскими анархистами вскоре после установления Республики. Администрация Мальяды занималась реконструкцией города, разбивала парки, выпрямляла и расширяла улицы и начала строительство кольцевой дороги вокруг города, чтобы отвести транспортный поток от центра Хихона⁴².

Верховный совет Астурии и Леона (Consejo Soberano de Asturias y León) должен был оставаться правительством республиканской части региона с 24 августа по 21 октября 1937 г. Он должен был организовать и возглавить героическое сопротивление непрерывно сокращающихся и плохо вооружённых республиканских сил региона, продолжавшееся почти два месяца.

Верховный совет отправил в Валенсию делегацию, возглавляемую лидером НКТ Сегундо Бланко, чтобы добиться военной помощи для последнего лоялистского региона на Севере. Хотя республиканское правительство формально согласилось выполнить все просьбы Бланко и его коллег, обещанная помощь прибыла лишь за день до падения Хихона, когда она уже не могла оказать никакого влияния на борьбу в Астурийском регионе⁴³.

Незадолго до падения Хихона премьер-министр Негрин отправил Белармино Томасу сообщение, призывая совершить «чудо, подобное тому, что произошло при обороне Мадрида». Томас ответил, что они совершат такое чудо, если Негрин проложит дорогу на Валенсию, подобную той, что связывает с этот город с Мадридом, если Негрин предоставит оружие, которое было у защитников Мадрида, и если он пришлёт интернациональную бригаду наподобие тех, что участвовали в обороне Мадрида⁴⁴.

21 октября 1937 г. силы Франко вошли в Хихон, закончив тем самым борьбу регулярных военных формирований. Большинству ведущих политических и профсоюзных лидеров удалось бежать на рыбацких шмаках и других небольших судах. Тем не менее партизанские действия нескольких тысяч милиционеров продолжались в горах Астурии ещё несколько месяцев⁴⁵.

Анархисты в Межпровинциальном совете Сантандера – Бургоса – Паленсии

К востоку от Астурии находится Сантандерский регион. Силы, лояльные Республике, в начале Гражданской войны относительно легко установили контроль над этой областью, а также над некоторыми районами соседних Бургоса и Паленсии.

ВСТ в Сантандерском регионе превосходил по численности НКТ, хотя было много анархистов, участвовавших в работе ВСТ, и в обеих организациях были сильными настроения в поддержку профсоюзного единства социалистов и анархистов. Другой любопытной особенностью рабочего движения в регионе было то, что после принятия республиканским правительством декрета от 11 октября 1936 г., предписывавшего обязательное членство всех работников в НКТ либо ВСТ, большинство рабочих Сантандера, поддерживавших Федеральную партию и Республиканский союз – две основных республиканских партии региона, присоединились к Национальной конфедерации труда⁴⁶. Крупнейшими в городе Сантандер были профсоюз портовых рабочих, возглавляемый сэнэтистом Хесусом Гонсалесом Мало, и профсоюз трамвайщиков, оба входили в состав ВСТ⁴⁷.

После подавления мятежа власть в Сантандере перешла к комитету Народного фронта, расширенному за счёт включения представителей НКТ и ФАИ. Вскоре после того, как НКТ вошла в республиканское правительство, был сформирован Межпровинциальный совет Сантандера – Бургоса – Паленсии, узаконенный республиканским правительством в декрете от 23 декабря 1936 г. Этот совет возглавлялся гражданским губернатором, социалистом Хуаном Руисом Оласараном, и включал в себя девять социалистов, двух коммунистов, трёх республиканцев и трёх анархистов. Тимотео Чаперо Фернандес из НКТ ведал социальным обеспечением, Висенте дель Солар, также из НКТ, – народным кредитом, а Теодоро Кихано, представлявший ФАИ, – пропагандой. В составе Межпровинциального совета не происходило никаких изменений с января до 4 августа 1937 г., когда город Сантандер был захвачен войсками Франко.

Анархисты занимали и другие ответственные посты в администрации Сантандерского региона. Они присутствовали в большинстве местных органов власти, созданных здесь. Кроме того, анархист Хесус Гонсалес Мало стал преемником Бруно Алонсо в качестве генерального комиссара милиции Сантандера, когда последний был назначен в Картахену на должность генерального комиссара флота⁴⁸.

Исключение анархистов из правительства Баскской республики

Правительство автономной Баскской республики^{48а} было единственным правительством в северном секторе, которое не включало в себя представителей анархистов. Это произошло несмотря на то, что анархисты участвовали в работе провинциальных органов власти, де-факто созданных в первые недели войны, до провозглашения Баскской республики.

Ситуация в данном регионе, безусловно, была уникальной для республиканской Испании. Он состоял из трёх провинций: Алавы, Гипускоа и Бискайи. Наиболее влиятельной во всех трёх провинциях была Баскская националистическая партия – консервативная в социальном отношении, католическая группа, основной целью которой было создание в регионе автономного (или даже независимого) государственного образования.

Провинция Алава, граничащая с Наваррой, где превосходство карлистов, или традиционалистов, было неоспоримым, почти сразу же оказалась захвачена мятежными силами под командованием генерала Эмилио Мола. В этой провинции баскские националисты поддержали мятежников и пытались повлиять на своих партийных коллег в двух других баскских провинциях, чтобы они поступили так же⁴⁹.

Однако население Гипускоа и Бискайи в подавляющем большинстве было настроено в пользу Республики. Сесар Лоренсо, сын баскского лидера НКТ Орасио Прието, отмечает, что даже священники здесь «оставались лояльными Республике»⁵⁰. Баскские националисты в этих двух провинциях участвовали в работе новых органов власти, созданных де-факто, которые должны были организовать гражданскую администрацию и вооружённое сопротивление мятежникам.

В Бискайе комитет Народного фронта, возглавляемый гражданским губернатором Хосе Эчеваррией Новоа из «Левых республиканцев», взял на себя инициативу в организации нового режима. Приблизительно в конце июля был создан Комиссариат обороны Бискайи, в котором были представлены НКТ и БНП, не участвовавшие в Народном фронте. Орасио Прието, всё ещё остававшийся секретарём Национального комитета НКТ, стал комиссаром здравоохранения⁵¹.

Вскоре комиссариат и комитет Народного фронта были распущены, и их место занял Совет обороны Бискайи (Junta de Defensa de Vizcaya). Также возглавлявшийся Хосе Эчеваррией Новоа, он включал двух представителей от «Левых республиканцев», одного от Республиканского союза, одного от Социалистической партии, одного коммуниста, трёх членов Баскской националистической партии, одного из более левого «Баскского националистического действия» и Пабло Валье из НКТ, отвечавшего за социальное обеспечение. Это правительство оставалось у власти до официального провозглашения Баскской республики 7 октября 1936 г.⁵².

Тем временем в Гипускоа, где, как мы видели в главе 4, сэнэтисты возглавили отпор мятежникам в Ируне и Сан-Себастьяне, происходили сходные политические процессы. Комитет Народного фронта, возглавляемый гражданским губернатором левым республиканцем Хесусом де Артолой, 19 июля взял власть в провинции. Через несколько дней был образован Совет обороны Гипускоа во главе с Мигелем де Амилибией, также с участием баскских националистов и НКТ. Мигель Гонсалес Инесталь из НКТ стал комиссаром

связи и транспорта, а комиссариат труда, хотя и возглавлялся социалистом, включал представителей НКТ и националистической профсоюзной организации – «Баскской рабочей солидарности»⁵³.

Но, несмотря на участие в действующих провинциальных правительствах Бискайи и Гипускоа, позиция баскских националистов оставалась несколько неоднозначной до создания Баскской республики. В частности, Франсиско Ларго Кабальеро, став 4 сентября премьер-министром, предлагал им место в своём кабинете, но лишь 25 сентября они наконец позволили Мануэлю де Ирухо войти туда в качестве министра без портфеля⁵⁴.

Когда кортесы собрались на заседание 1 октября, чтобы официально утвердить назначение правительства Ларго Кабальеро, они также приняли Устав автономии Страны Басков. В этом уставе провозглашалось создание автономного регионального правительства, формально для всех трёх баскских провинций, хотя фактически его юрисдикция должна была ограничиваться провинцией Бискайя. Алава, как мы уже сказали, сразу была захвачена мятежниками, а в Гипускоа из-за давления баскских националистов, которые (по словам Сесара Лоренсо) опасались влияния анархистов в Ируне и Сан-Себастьяне, республиканские силы не смогли обеспечить надёжную оборону, и концу сентября эта провинция также оказалась в руках мятежников⁵⁵.

После торжественной присяги в древней столице басков Гернике президент новой Баскской республики Хосе Антонио Агирре назначил свой кабинет. Он включал членов его собственной Баскской националистической партии, а также социалистов, одного коммуниста и по одному представителю от «Левых республиканцев», Республиканского союза и «Баскского националистического действия». Однако анархистов в нём не было⁵⁶.

В последующие месяцы анархисты, как на баскской территории, так и в других частях республиканской Испании, продолжали требовать, чтобы их включили в правительство Баскской республики. Эти требования стали особенно настойчивыми после того, как НКТ вошла в кабинет Франсиско Ларго Кабальеро. Тогда Агирре объяснил, что баскское правительство включает представителей только от политических партий, и поэтому он не станет допускать в него НКТ. Вместо этого он предложил портфель советника ФАИ, которую он расценивал как политическую организацию, выполняющую по отношению к НКТ ту же роль, что и Социалистическая партия по отношению к ВСТ.

По словам Сесара Лоренсо, анархисты в других частях республиканской зоны были недовольны отказом баскской ФАИ участвовать в региональном правительстве. Национальный комитет НКТ отправил Антонио Морено Толедано для переговоров с Агирре, и он сообщил о результатах своей поездки в барселонской «Рабочей солидарности» от 20 ноября 1936 г.:

“ «Правительство Басконии, сказал нам Агирре, внимательно изучило вопрос о том, будет ли уместно согласиться на участие рабочих организаций, но, полагая, что оно формируется на основе политических партий, а не

социальных классов, он не посчитал возможным вхождение НКТ. Он отметил, что, если бы ФАИ хотела этого, он не видел бы никаких сложностей в работе с ней»⁵⁷.

Несмотря на отказ включить представителей НКТ в региональное правительство, президент Агирре при случае использовал их как посредников на переговорах с правительством Ларго Кабальеро. Одним из самых важных вопросов было требование валенсийского правительства, чтобы баскский режим передал ему часть золотого запаса Банка Испании, хранившегося в Бильбао. Министры от НКТ убедили республиканское правительство оставить это золото в Стране Басков, чтобы она могла приобретать необходимые ей военные материалы⁵⁸

Тем не менее НКТ продолжала оказывать на Агирре давление с целью получить место в правительстве. Опасаясь недовольства в войсках анархистов, защищавших фронт Бильбао, президент в конце концов согласился назначить члена НКТ советником. Однако, когда в мае 1937 г. состоялось совещание Агирре с региональными лидерами НКТ и командирами её частей, один из последних, Ривера, неожиданно занял догматичную анархическую позицию, сводившуюся к тому, что НКТ не должна участвовать в каком-либо правительстве. Прежде чем возобновление переговоров стало возможным, мятежники начали наступление на Бильбао, и в результате анархисты так и не смогли войти в правительство Баскской республики⁵⁹.

Анархисты в региональной и местных администрациях Леванта

Как и на большей части остальной территории Испании, которая осталась лояльна Республике, в пяти провинциях Леванта (Кастельоне, Валенсии, Аликанте, Мурсии и Альбасете) в начале Гражданской войны были созданы де-факто новые органы власти с участием различных партий и профсоюзных групп. Почти на протяжении двух недель положение в регионе осложнялось «нейтралитетом» гарнизона Валенсии.

20 июля партиями Народного фронта в Валенсии был создан революционный комитет. На следующий день был сформирован объединённый всеобщий стачечный комитет НКТ-ВСТ, который взял на себя снабжение гражданского населения и организацию милиции для противостояния «нейтральным» солдатам. Вскоре эти два комитета были слиты и образовали Народный исполнительный комитет Леванта.

Ситуация, однако, осложнялась тем фактом, что мадридское правительство назначило хунту делегатов, во главе с Диего Мартинесом Баррио, чтобы установить контроль над администрацией в Леванте и провести переговоры с «нейтральными» офицерами. Народный исполком отказался признавать власть Мартинеса Баррио и его коллег. Вследствие этого, когда военные наконец были вынуждены сдаться 31 июля, Народный исполком являлся

единственной действующей властью в Валенсийском регионе. Его глава в итоге был назначен гражданским губернатором Валенсии.

Народный исполнительный комитет приобрёл следующий состав: Хуан Лопес и Хуан Риполь от НКТ, Эванхелиста Кампос от ФАИ, два представителя от ВСТ и по одному от Социалистической партии, Рабочей партии марксистского единства, Коммунистической партии, «Левых республиканцев», Республиканского союза, «Левых валенсийцев», Валенсианистской партии и Синдикалистской партии. Председателем стал полковник Арин60.

Луис Портела, основной лидер ПОУМ в Валенсийском регионе во время Гражданской войны, отмечал, что внутри Народного исполкома с самого начала существовало разделение на левое и правое крыло. Справа стояли коммунисты, «Левые республиканцы», Валенсианистская партия и Всеобщий союз трудящихся. Слева были НКТ, ФАИ, «Левые валенсийцы», Синдикалистская партия и Республиканский союз Диего Мартинеса Баррио, значительно более левый в Валенсии, чем в остальной Испании. ПОУМ также присоединилась к левому крылу, хотя, по крайней мере поначалу, социалисты и коммунисты уговаривали её сотрудничать с ними, на том основании, что все они были «марксистами»61.

В первые недели войны новые революционные власти были созданы в каждом населённом пункте Леванта. В каждом случае их состав отражал относительное влияние на местах НКТ, социалистов, коммунистов, республиканцев и других элементов, поддерживающих Республику62.

Однако Народный исполком считался высшим органом власти всего Левантийского региона. 2 ноября 1936 г. комитет решил создать Совет экономики, «отвечающий за планирование производства по всей зоне Леванта». Он состоял только из представителей НКТ и ВСТ63.

Региональная автономия Леванта, и в особенности Валенсии, была серьёзно урезана в результате переноса республиканской столицы в Валенсию в ноябре 1936 г. К началу декабря Народный исполком исчез, и вместо него были созданы провинциальные советы в Кастельоне, Валенсии, Аликанте, Мурсии и Альбасете. В каждом из них имелись представители НКТ и ФАИ.

В Валенсии и других городах региона были созданы новые муниципальные органы. Городской совет Валенсии возглавлялся лидером НКТ Доминго Торресом, и Сесар Лоренсо отмечает, что число членов НКТ и ФАИ в совете было «значительным». Анархисты также имели заметное представительство в других муниципальных советах региона64.

Провинция Мурсия представляла собой особый случай. Даже в момент наибольшего усиления Народного исполкома она не следовала его распоряжениям. В это провинции было два главных центра: портовый город Картахена, имевший значительную численность рабочих в самом порту, а также на кораблестроительных, ремонтных и других предприятиях, и город Мурсия, который по большей части являлся торговым центром для окружающих сельских районов.

Анархисты преобладали в Картахене и близлежащих городах и посёлках. Они занимали должности мэров и муниципальных советников, хотя другие республиканские элементы также были представлены. Напротив, в городе Мурсия преобладало влияние социалистов. Влияние анархистов в этом городе основывалось на их профсоюзах меньшинства и на поддержке со стороны Федеральной партии, второй по значению после социалистов, многие члены которой, очевидно, состояли в НКТ. Как мы отмечали в предыдущих главах, социальная и экономическая революция приобрела большой размах как в городской, так и в сельской части Мурсии⁶⁵.

Анархисты в органах власти Андалусии

Значительная часть Андалусии была захвачена мятежными войсками «радиогенерала» Гонсало Кейпо де Льяно в первые недели Гражданской войны. В неё входили основная территория провинций Кадис, Кордова и Севилья, а также город Гранада. Однако провинции Малага, Альмерия и Хаэн, а также большая часть провинции Гранада оставались в руках республиканцев.

В отличие от большинства территорий республиканской Испании, в Андалусии не возникло никакой революционной власти. Сесар Лоренсо пишет:

“Каждая деревня стала независимой, не была возможна никакая централизация, никакие скоординированные действия. В противоположность другим крупным регионам Испании, не было создано органа, который подчинил бы или, по крайней мере, попытался бы подчинить бесчисленные местные власти. Например, только в конце ноября 1936 г. в провинции Гранада был сформирован Антифашистский народный фронт, центральный орган под председательством гражданского губернатора Антонио де Грасии, состоявший из представителей всех идеологических секторов. Лишь тогда появились новые муниципальные советы с участием НКТ, а всемогущие комитеты исчезли»⁶⁶.

Возможно, типичным с точки зрения многих местных администраций в Андалусии был случай Ронда-ла-Вьехи в провинции Малага. Эмигрантская анархическая газета «НКТ» в номере от 14–21 февраля 1954 г. описывала сложившуюся там ситуацию:

“Профсоюзы взяли на себя ответственность за управление экономической и социальной жизнью в различных населённых пунктах... Здесь прошло первое общее народное собрание, которое единогласно высказалось за полную коллективизацию собственности... На другом общем собрании были установлены нормы и правила работы. Деньги были упразднены.

Каждый брал то, в чём он нуждался, пока продуктов было достаточно. Те вещи, которые были в избытке, раздавались поровну. Одновременно была организована система обмена между соседними коллективами, которая позволяла каждому из них более или менее устроить свою жизнь»⁶⁷.

Город Малага долгое время был оплотом анархистов. Однако в период перед началом Гражданской войны влияние НКТ снизилось, а ВСТ и социалистов – возросло. Социалисты имели крупнейшую фракцию в довоенном городском совете. Кроме того, определённое значение в городе приобрела Коммунистическая партия, которая на выборах 1933 г. провела здесь своего первого депутата в кортесы⁶⁸.

Тем не менее с началом Гражданской войны влияние анархистов в Малаге вновь стало преобладающим, поскольку НКТ организовала большую часть милиции и контролировала местную экономику. Революционная власть находилась в руках Комитета общественного спасения (Comité de Salud Pública), который включал четырёх анархистов – двух от НКТ, по одному от ФАИ и «Либертарной молодёжи», – по одному представителю от Федеральной партии, Республиканского союза, «Левых республиканцев», «Объединённой социалистической молодёжи» и по два от Коммунистической и Социалистической партий и от ВСТ.

Хотя Комитет общественного спасения стремился распространить свой контроль на всю провинцию, фактически его распоряжения не выходили далеко за границы Малаги. Ни Постоянный центральный комитет Мотрилы, к востоку от провинциальной столицы, ни Комитет обороны Ронды на западе не желали уступать свою власть⁶⁹.

Анархическое влияние в Малаге явно раздражало республиканское правительство в Мадриде и затем в Валенсии. Это недовольство отчасти объясняет упорное нежелание республиканских властей предоставлять оружие и другую помощь, необходимую для защиты Малаги (что мы отмечали в главе 8), когда войска Франко атаковали провинцию в феврале 1937 г.

Анархисты в органах власти Эстремадуры

Эстремадура состоит из двух провинций – Кáсерес и Бадахóс. Первая, где традиционно были сильны правые элементы, почти сразу же была захвачена мятежниками. 14 августа город Бадахос также был занят войсками полковника Ягуэ, как и Мэрида несколькими днями ранее. Однако около трети провинции Бадахос на протяжении войны оставалось на лоялистской территории.

Хотя социалисты и ВСТ до 19 июля 1936 г. преобладали в провинции Бадахос, их вскоре потеснили анархисты и коммунисты. Сесар Лоренсо описывал этот процесс:

«Во многих сёлах народные дома (центры социалистов) полностью перешли к НКТ, а коммунисты захватили руководство над ВСТ. В последующие дни социалисты ещё больше уступили свои позиции крайне левым: с одной стороны, инициативы либертарииев в экономической сфере (коллективизация средств производства) вдохновили крестьян и рабочих, входивших в ВСТ, которые, выйдя за границы умеренных лозунгов своих вождей, связали себя с революционными начинаниями; с другой стороны, военная активность сталинистов позволила им принять руководство над большей частью милиции»⁷⁰.

Политическая власть в разных частях провинции также оказалась разделена между анархистами и коммунистами. В Мериде и её окрестностях НКТ образовала Комитет обороны, который управлял городом до его захвата мятежниками. Напротив, в самом Бадахосе и нескольких других городах, где ВСТ (под контролем сталинистов) оставался доминирующей силой, анархисты не получили постов в новых революционных администрациях⁷¹.

Как только Эстремадурский фронт стабилизировался, в той части провинции Бадахос, которая осталась в руках республиканцев, была установлена более формальная власть. Её осуществлял Провинциальный совет Бадахоса, созданный в ноябре 1936 г. Он возглавлялся социалистом Касадо, который был назначен гражданским губернатором, и включал представителей НКТ, ФАИ и «Либертарной молодёжи», как и политических партий, поддерживавших Республику. Одновременно были созданы новые муниципальные советы, в каждом из которых участвовали анархисты⁷².

Анархисты в правительстве Мадрида

Сесар Лоренсо пишет, что после капитуляции мятежников в Мадриде в июле 1936 г. столица представляла собой сцену «неописуемого беспорядка». Он продолжает:

“ «Каждый идеологический сектор образовывал государство в государстве, каждый имел свою милицию, свои трибуналы, свои чека, свои тюрьмы, свою собственность, свои запасы продовольствия и боеприпасов, каждый вёл войну по своему усмотрению, заботясь только о собственных нуждах».

В этой ситуации, с которой неспособно было справиться правительство, коммунисты к концу сентября выдвинулись в качестве ведущей силы, в значительной степени благодаря дисциплинированному 5-му полку, стоявшему в городе. Однако анархисты отреагировали на это решительно. Как отмечает Лоренсо:

«Комитет обороны Центра НКТ... который продолжал существовать до 1939 г., смог централизовать деятельность и администрацию Конфедерации, подчинить своим приказам нижестоящие комитеты, установить дисциплину и проводить политику, способную сдержать безостановочное продвижение коммунизма. Он стал своего рода революционным генеральным штабом, всемогущим в пределах НКТ...»⁷³

Вследствие этих действий Комитета обороны, НКТ стала точкой притяжения для всех в столице, кто был недоволен превосходством сталинистов, будь то левые социалисты, республиканцы или беспартийные. Таким образом, НКТ удалось не допустить полного преобладания коммунистов в столице⁷⁴.

Когда правительство покинуло Мадрид, гражданская власть в столице была передана Совету обороны Мадрида во главе с генералом Миахой. В этой хунте было представлено большинство политических и профсоюзных групп, поддерживавших Республику. Единственной крупной партией, не вошедшей в неё, была ПОУМ – барселонская газета «Борьба» объясняла этот факт вмешательством советского посла. Данное заявление повлекло за собой открытый протест советского консула Антонова-Овсеенко, который был направлен им во все барселонские газеты с просьбой перепечатать его⁷⁵. Этот протест стал прологом к последующему требованию Антонова-Овсеенко исключить ПОУМ из каталонского правительства.

Из десяти членов Совета обороны Мадрида двое были анархистами – один представлял НКТ, другой «Либертарную молодёжь». ФАИ как таковая не была представлена. Хотя состав Совета менялся несколько раз, он оставался у власти – несмотря на серьёзные сомнения премьер-министра Франсиско Ларго Кабальеро по поводу готовности генерала Миахи и Совета выполнять предписания валенсийского правительства – до 21 апреля 1937 г. Группа британских парламентариев, посетивших Мадрид во время первого этапа битвы за него, прокомментировала:

“ «Гражданское правительство, очевидно, в основном находится руках молодых людей, иногда едва достигших совершеннолетия. Это по большей части энтузиасты, парни из рабочего класса, которые, судя по всему, добросовестно и энергично пытаются сделать всё, что в их силах»⁷⁶.

Во время существования Совета обороны между коммунистами и сэнэтистами продолжалась борьба. Она часто принимала насильственный характер, и иногда требовалось вмешательство самого Совета в конфликт. Один такой случай произошёл вскоре после создания Совета. Им был издан приказ о том, что никто не должен выезжать из Мадрида, и когда член Совета от ВСТ попытался это сделать, он был арестован милиционерами НКТ. После этого лидер ОСМ Сантьяго Каррильо, который был советником по общественному порядку, в свою очередь, арестовал милиционеров и на следующем заседании потребовал, чтобы Совет немедленно провёл суд над ними. Член Совета от «Либертарной молодёжи»

потребовал двухчасового перерыва, узнал о том, что произошло, и послал в тюрьму милиционеров НКТ, чтобы те освободили своих товарищей. Когда заседание возобновилось, делегат от «Либертарной молодёжи» не только привёл доводы против того, чтобы исполнительный орган наподобие Совета превращал себя в трибунал, но и добился поддержки всего Совета, за исключением представителя ОСМ и коммуниста. Не сумев переубедить остальных членов Совета, Каррильо подал в отставку, и его место занял другой представитель «Объединённой социалистической молодежи».

В другом случае, в начале января 1937 г., на улицах нашли пять мёртвых членов НКТ с профсоюзными билетами во ртах. Следующей ночью сэнэтисты убили 12 коммунистов и так же оставили их тела на улице с партбилетами во ртах. Когда региональный секретарь Компартии позвонил в «Либертарную молодёжь» и предложил «совместную операцию против пятой колонны», ему ответили, что за каждого анархиста, убитого коммунистами, будут убиты десять коммунистов, начиная с него самого. После этого убийства анархистов прекратились, по крайней мере на время.

Член Совета от ОСМ, отвечавший за общественный порядок, издал декрет, гласивший, что все милиционеры должны иметь разрешение на ношение оружия за его подписью. Вскоре были разоружены от 40 до 50 милиционеров НКТ, после чего отряды НКТ разоружили такое же число штурмовых гвардейцев. Когда вопрос был вынесен на рассмотрение Совета, анархисты оспорили распоряжение представителя ОСМ, утверждая, что все разоружённые милиционеры имели мандаты, выданные Комитетом обороны НКТ. Совет в этом вопросе встал на сторону анархистов⁷⁷.

Хосе Касорла, который сменил Сантьяго Каррильо на посту заведующего общественным порядком, вызывал особенную неприязнь у анархистов и других некоммунистических членов Совета. Рональд Фрейзер описывает инцидент, который привёл к его падению и, как оказалось, упразднению Совета обороны Мадрида:

“ «Наконец, в апреле 1937 г. анархист Мельчор Родригес, управлявший тюрьмами Мадрида, предал огласке подробные сведения о пытках, проводившихся в незаконных тюрьмах коммунистов в столице, и обвинил Хосе Касорлу...»

Это вызвало большой скандал⁷⁸.

Франсиско Ларго Кабальеро, который с самого начала был недоволен поведением генерала Миахи и Совета обороны, использовал злоупотребления Касорлы как предлог для роспуска Совета. 21 апреля 1937 г., когда битва за Мадрид была окончательно выиграна, он издал декрет о его ликвидации. Вместо него был создан новый муниципальный совет из 31 члена, пять из которых представляли НКТ, один – ФАИ и ещё один – «Либертарную молодёжь»⁷⁹.

Заключение

Во всех частях республиканской Испании, за исключением Баскской республики, анархисты участвовали в региональных, провинциальных и муниципальных органах власти, организованных после начала Гражданской войны. Зачастую этими новыми органами становились революционные комитеты, и во многих из них преобладание анархистов было более или менее очевидным. Даже в Стране Басков НКТ была представлена в них до того, как была провозглашена Баскская республика. По мере того, как восстанавливался «порядок» и создавалась более регулярная административная иерархия, до определённой степени легализованная правительством Республики, анархисты в большинстве случаев входили в состав новых региональных, провинциальных и муниципальных органов.

Наблюдалось различие в отношении того, какие части либертарного движения получали представительство. Хотя нередко участвовали все три организации – НКТ, ФАИ и «Либертарная молодёжь», – это отнюдь не было общим правилом.

В большинстве случаев Национальная конфедерация труда находилась в необычном положении, как профсоюзная организация, по существу выполняющая функции политической партии. Но часто эта особенность не ограничивалась одной НКТ, ВСТ также включался в состав различных органов власти.

Безусловно, это была не единственная аномалия. В течение всей Гражданской войны Федерация анархистов Иберии, строго говоря, являлась «нелегальной» организацией. Она не была официально признанной политической партией, а скорее представляла собой организацию, которая, по крайней мере до начала Гражданской войны, по большей части оставалась конспиративной. Однако, как было очевидно, неанархисты – а всё чаще и сами либертарианцы – считали, что ФАИ выступает по отношению к НКТ как контролирующая политическая сила, какой была Социалистическая партия для Всеобщего союза трудящихся.

Баскский президент Хосе Антонио Агирре явно обозначил эту позицию, когда предложил включить в региональное правительство ФАИ, воспринимаемую им в качестве эквивалента политической партии, вместо НКТ, которая, по его мнению, не имела права участвовать в правительстве. Хотя в то время анархисты категорически отклонили то определение ФАИ, которое дал ей президент Агирре, эта проблема и дальше продолжала их беспокоить. Впоследствии в самом движении были выдвинуты предложения по преобразованию ФАИ из «особой организации» в политическую партию, и этот вопрос не был окончательно решён к концу Гражданской войны.

Так или иначе, во время Гражданской войны анархистам по всей республиканской Испании приходилось считаться с тем, что произошедшие события буквально навязали им политическую власть и участие в правительствах. Они, разумеется, не были к этому готовы, и это стало вызовом для их основополагающих идеологических убеждений. Будучи антигосударственниками в принципе, они должны были заниматься организацией государственной власти или, по крайней мере, участвовать в её организации на всех уровнях общественной и политической жизни республиканской Испании.